

**Злюся
Романова**

**БЕШЕНАЯ
КОШКА**

18+

Злюся Романова

Бешеная кошка

<https://litres.ru/74248569>

SelfPub; 2026

Аннотация

Кого выбрать?

С одной стороны — Бешеная Кошка, девушка-ураган в кожаном комбинезоне, чьи трюки на мотоцикле бросают вызов законам физики. Её мир — это рёв моторов, ночные заезды и адреналин, заменяющий кислород.

С другой — Ника, библиотекарь с глазами цвета летнего неба, умеющая находить сокровища там, где другие видят лишь пыльные страницы. Её тихий смех звучит как обещание покоя и счастья.

Единственный, кто знает правильный ответ — это Демон — черный мейн-кун, размером с небольшого барсука, и характером — помесь скандальной соседки и тролля с интернет-форума. Но он молчит и ни за что не поможет, потому как не Царское Это Дело.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	11
Глава 3	18
Глава 4	24
Глава 5	31
Глава 6	39
Глава 7	45
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Злюся Романова

Бешеная кошка

Глава 1

Паша

Надеваю кожаные штаны, черную футболку с надписью «Любимому брату», мотоботы, беру в руки шлем, ключи и выхожу из квартиры. Сегодня мой путь лежит к памятнику С.М. Кирову — именно здесь начнется мотопарад в Питере. Для меня это первый раз, и волнение смешивается с предвкушением.

В Петербурге я недавно, всего несколько недель, а до этого жил в Москве. Мы с мужиками открыли сеть автомастерских и моек в столице, а теперь решили попробовать силы в историческом сердце России. Но сегодня рабочие планы подождут — впереди открытие мотосезона, и моя черная Ямаха уже урчит в такт моим мыслям.

Завожу мотор, надеваю шлем. Погнали!

Открытие мотосезона в Питере, как я уже знал, проходит каждую весну. Для меня это отличный шанс познакомиться с местными байкерами и, конечно, оторваться по полной. Еду без нарушений — сейчас не время для лихачества, безопасность важнее всего.

Приезжаю на место. Регистрацию прошел заранее, так что никаких проблем. Мотоциклов — тьма, самых разных моделей. Возле каждого толпится народ, горячо обсуждая, чей «железный конь» круче. Да, мужики как дети: каждому хочется похвастаться своим «другом».

Гул моторов слился в единый рокот, будто город вздохнул полной грудью. Колонна растянулась на километры — от классических «Харлеев» до brutальных «Уралов», от стремительных спортбайков до кастомных чопперов с низкой посадкой. Впереди ехал глава колонны с флагом, за ним — волны железа и кожи. Я встроился в поток, ощущая, как вибрация мотоцикла передается всему телу.

Петербург проплывал мимо, как кадры из кино: мелькали старинные фасады, мосты, толпы зевак на тротуарах, которые махали руками и снимали нас на телефоны. Кое-где в окнах домов виднелись дети, прилипшие к стеклам.

На одном из светофоров к колонне пристроился бородач на винтажном «Днепре» с коляской. В ней сидел пушистый алабай в очках.

Финиш. У Дворцовой площади уже стояли фургоны с едой и безалкогольным пивом, играла музыка.

Я заглушил двигатель и снял шлем. Воздух пах бензином, жареным мясом и свободой.

Какой-то парень в кожаном жилете кивнул мне:

— Неплохо заехали для первого раза. Будешь ночью?

— Где? — не понял я.

— На «Приозёрке».

— Подумаю.

Я всё-таки поехал.

«Приозёрка» бурлит — рёв моторов, крики, матерщина, хриплый смех. Байкеры толпятся у своих коней, зрители жмутся вдоль трассы, алкаши с трясущимися руками суют друг другу мятую мелочь. Я кивнул организаторам, зарегистрировался в списке и подкатил к стартовой черте. Вокруг такие же, как я — рожи в масле, руки в царапинах, в глазах азарт.

И вдруг в моем поле зрения появляется она.

Алая "Хонда" CBR, отполированная до зеркального блеска. Не просто железо - живой хищник. По бокам - мерзковатая ухмылка Чеширского кота, будто насмехается над всей этой толпой. Наездница - в потертой черной косухе, обтягивающих кожаных штанах и... этом дурацком шлеме с кошачьими ушками и красной косой.

Я прищурился. Взгляд скользнул по тонким запястьям, изящной посадке - однозначно женская фигура.

— Ого, да это же Бешеная кошка!!! — кто-то крикнул из толпы.

Она даже голову не повернула.

Я вжал газ в пол — двигатель взревел, отдача вбила в седло. Но уже на втором вираже услышал за спиной ровный гул её мотора. Чистый, отлаженный звук — без провалов, без

надрыва. Будто она просто прогуливается, а не рвётся на пределе.

Добавил газу. До предела.

Асфальт слился в тёмную ленту, ветер выл в ушах. Она — как призрак. Чётко держит дистанцию — ни ближе, ни дальше. Будто дразнит.

Финишная черта.

По секундомеру — мой триумф.

По ощущениям — поражение.

Я заглушил двигатель, сорвал шлем. Пот стекал по вискам, в ушах ещё стоял рёв мотора. Она — неподвижна. Сидит на своей «Хонде», руки крепко сжимают руль, а шлем с кошачьими ушками и красной косой — будто врос в неё. Даже не думает снимать. Чёрное забрало отражает мои растрепанные темные волосы, но за ним явно чувствуется пристальный взгляд.

— Не хило гоняешь, — выдыхаю, вытирая ладонью пот с подбородка.

Тишина. Только треск остывающего металла да вдалеке — гул толпы.

Она медленно наклоняет голову — едва заметный кивок. Потом резко бросает сцепление, мотоцикл взвизгивает, разворачивается на месте, поднимая облако пыли. И — исчезает в ночи, оставляя после себя лишь: две чёрные полосы на асфальте, да едва уловимый запах.

— Заинтересовался? – хрипло процедил рядом стоящий

байкер, не отрывая глаз от алой вспышки вдалеке.

Я лишь кивнул, не сводя взгляда с мелькающего между толпой черного шлема с кошачьими ушками и красной косой.

— Это «Бешеная Кошка», — он усмехнулся, вытирая ладонью грязь с куртки. — Гоняет так, будто у неё правда девять жизней...

Его голос потонул в рёве моторов, но я уже не слушал. «Бешеная Кошка» сделала резкий разворот, и на мгновение мне показалось, что она смотрит прямо на меня.

Вошел в квартиру уже глубокой ночью. Стянул заляпанную грязью мотоботы и с наслаждением засунул ноги в дурацкие розовые тапки-пяточки. Сестринский "подарок" на 1 апреля - смешные свинячьи морды с торчащими ушами. Вроде бы и стыдно в таком ходить, но черт возьми, они невероятно удобные.

Я вертел в пальцах свежую записку от невидимой соседки — уже третью по счету за эту неделю. Наш «диалог» напоминал странную переписку: она оставляла послания, аккуратно приклеенные скотчем к двери, а я мысленно посылал её куда подальше.

Лично встретиться? О нет, её высочество, видимо, предпочитает дипломатическую переписку.

Может, она призрак? Или агент ФСБ, внедрённый следить за мной?

"Уважаемый, шум вашего мотора мешает мне спать. Прошу соблюдать тишину после 23:00. С уважением, соседка снизу."

Я смял записку в кулаке.

Всего ничего в Питере, а меня уже достала какая-то тетка. Сначала жаловалась, что я слишком громко хлопаю дверью (ну да, я действительно хлопал — но не специально, просто дверь тяжелая). Потом писала, что я «топаю, как слон». А теперь вот — мотоцикл.

Я швырнул шлем на кровать и потянулся к холодильнику за банкой газировки. Открыл, сделал большой глоток. Классссс!

— Да кто она вообще такая? — проворчал, мысленно рисуя соседку. Наверняка старая дева, вся изъеденная ненавистью к миру. Морщинистая, с вечным кислым выражением лица — "тута не ходи, тута не дыши"... А ещё этот её кошачий кошмар! Видно, весь в хозяйку. Орёт, будто ему хвост в дверь зажали. Так и подмывает дать пинка под зад. Видел этого демона из окна — сидит, в темноте светится, смотрит с таким видом, будто мысленно меня уже убил. Котик, блин. Что за порода? Чёрный, как сажа, лапы — как у рыси. Таких тварей в природе не бывает!

Я взглянул на часы. Полвторого ночи. Хватит прокручивать в голове образ этой вздорной соседки и её демонического кота. Надо просто лечь и... Снова увидеть её. Ту самую — в шлеме с кошачьими ушками и забавной косой, прилип-

шем к её голове, будто вторая кожа. Ту, что несётся на своей огненно-красной «Хонде» сквозь ночь, оставляя за собой лишь рёв мотора и шлейф безумия.

— Встретимся еще, Бешеная кошечка...

Глава 2

Паша

— Да ладно, не парься! — махнул я рукой, чувствуя, как на плечи ложится груз новых обязательств. — Встречу я вас, конечно. Всё, давай, до завтра.

Выключил телефон, поставил его на беззвучный режим и провёл ладонью по лицу, будто пытаюсь стереть накопившуюся усталость. Передо мной на столе высились бумажные горы — арендный договор с закладками, сметы с пометками красным маркером, кипа разрешительных документов. Каждый лист нужно было изучить до запятой — помещение под автомастерскую я уже нашёл, и оно того стоило: оживлённая трасса на въезде в город, удобный подъезд для фур, просторная парковка перед зданием. Осталось только поставить подпись под контрактом, который я сейчас перечитывал в пятый раз, выискивая любые подводные камни.

Мысли невольно унеслись к вопросам рекламы. Яркая неоновая вывеска, таргетированная реклама для местных автолюбителей, может быть, даже промо-акция для первых клиентов... Дела — как детали в разобранном двигателе, казалось, конца им не будет. Но в груди спокойно — за спиной уже три успешных проекта, набитые шишки и знания, за которые не стыдно. Справлюсь. Хотя в этот раз всё будет сложнее — не только бизнес, но и...

На целый месяц я превращаюсь из обычного «Супер Брата» (как называет меня Ульяна) в "Супер Дядю". Моя сестрёнка Ульяна с шестилетним Ванькой на днях ворвутся в мой размеренный быт. Этот сорванец — вылитый Тим: та же разбойничья ухмылка, упрямый взгляд исподлобья и походка, будто ему все должны.

С Тимом, мужем сестры, мы сначала не особо ладили. Было, между нами, некоторое недопонимание - мой кулак встретился с его челюстью. Но время, как хороший механик, отладило наши отношения — теперь мы не просто свояки, а настоящие друзья, готовые и в огонь, и в воду.

А Ванька... Характер, ну просто копия матери в детстве! Такой же неугомонный брейкер, как и Улька. Моя сестра всегда жила танцами, а теперь её школа — одна из лучших в Москве. И знаете что? Именно Тим когда-то поверил в неё, когда все мы крутили пальцем у виска.

Но всё это будет завтра. А сегодня... Сегодня меня ждёт ночной заезд. Где-то там, в клубном дыму и рёве мотоциклов, должна появиться она — Бешеная Кошка. С того памятного заезда я ловлю себя на том, что высматриваю её шлем с кошачьими ушками и забавной косой в толпе байкеров. И сегодня — особый шанс: соревнования по стант-райдингу. Ходят слухи, что Кошка — настоящий ас в этом деле. Поэтому сердце колотится чаще — не только от предвкушения гонки, но и от возможности снова её увидеть. Странное чувство... Я, привыкший всё контролировать, ловлю себя на том, что

считаю минуты до этой встречи. Будто снова шестнадцатилетний пацан, а не взрослый мужик.

К семи закончил все дела, вскочил на свою Ямаху и рванул домой. На двери — очередная бумажка. «Что на этот раз? Слишком громко дышал?» — ехидно усмехнулся про себя. Но нет, просто реклама. Хотя триггер уже выработался — каждый раз бешусь, видя эти листовки.

Захожу в квартиру — уютную однушку в старой пятиэтажке. Второй этаж, высокие потолки, хоть и небольшая квартира, но светлая. Поужинал, прилёг вздремнуть перед ночным заездом. Провалился в сон, но ненадолго. Сквозь дремоту — вой. «Волки, что ли?.. Да ну, что за бред». Открываю глаза, прислушиваюсь. О, мляя... Да это ж соседский Демон опять орёт! Встал, походил по квартире, снова лёг — сна ни в одном глазу. А кошара всё орёт, будто его режут.

Спустился на первый этаж, позвонил в дверь. Тишина. Только поднялся к себе — опять вопли. Взял лист бумаги, размашисто накатал:

«Угломоните кота. Либо кастрируйте, либо найдите ему бабу. А лучше и то, и другое.»

Пришпандорил записку на скотч прямо по центру двери — чтоб не пропустила. Ну что, дорогая соседка! Я тоже умею быть засранцем, когда надо.

Моторы ревут, будто звери в клетке перед боем. Плавню заруливаю на площадку, чувствуя, как моя Ямаха переходит

на холостые, её глухое урчание смешивается с клубами выхлопа, растворяющимися в холодном ночном воздухе.

Вокруг — живой, пульсирующий организм тусовки. Бородачи в замызганных банданах, перекрикивающиеся через рёв моторов, девчонки в обтягивающих леггинсах, то и дело залезающие на капоты машин для селфи, фотографии с дорогими зеркалками, охотящиеся за крутыми кадрами.

Слепящий свет прожекторов бьёт прямо в глаза, превращая ночь в искусственный день. От этого мерзкого голубоватого свечения начинает болеть голова, но адреналин уже заглушает все ощущения. Где-то играет рваный электронный бит, но его заглушает гул десятков мотоциклов.

Снимаю шлем, провожу рукой по волосам. Я здесь не первый раз, но сегодня — особый день. Стант-райдинг. Не просто гонки — это чистейший адреналин, танцующий на лезвии бритвы. Когда асфальт становится сценой, а твой байк — партнёром в танце.

И тут...

ОНА.

Сначала только звук — пронзительный, как кошачий коготь по стеклу. Этот вой мотора невозможно спутать ни с чем: высокий, хищный, будто сама ночь взвыла в экстазе.

Потом — вспышка алого.

Между фонарей проносится Хонда, огненная, как языки адского пламени. На баке — оскал Чеширского кота, растянутый в безумной ухмылке.

Бешеная Кошка.

Она не просто едет — она летит, будто её мотоцикл вообще не касается асфальта. Заднее колесо поднято вверх, переднее едва цепляется за дорогу. В толпе ахают, кто-то свистит.

Чёрный кожаный костюм облегает тело, словно вторая кожа. Шлем с кошачьими ушками и красной косой мелькает в свете прожекторов. Она не едет — скользит, будто её байк вообще не касается земли.

«Ну здравствуй, зайка,» — будто говорит её безупречный контролируемый занос прямо передо мной.

Мой выход.

Движения чёткие, отработанные до автоматизма. Моя Ямаха послушно встаёт на заднее колесо, и я еду на «вилли» — длинный, почти невероятный прокат с поднятым передом. Асфальт под колёсами превращается в катящуюся ленту. Затем резкий сброс, разворот на 180, и вот я уже в «роллинг стоппи» — балансирую на переднем колесе, выжимая газ так, чтобы не перевернуться.

Толпа ревёт. Кто-то свистит. Но это лишь разминка.

Следующий элемент — «круизер». Я отпускаю руль, встают на сиденье, раскинув руки, будто лечу. На секунду кажется, что я вот-вот рухну, но нет — контроль идеальный. Даже старые волки в толпе одобрительно кивают.

Я заканчиваю выступление эффектным «дрифт-стопом» — юзом с дымящейся покрышкой, оставляя чёрный след на

асфальте. Гром аплодисментов. Я снимаю шлем, вытирает пот со лба. Хороший заезд.

Смотрю на Бешеную Кошку — она мне пальцем вверх! А у меня от этой простой штуки — будто током прошибает. Губы сами растягиваются в улыбке до ушей, скулы ноют, но остановиться не могу. Оху***. Почти тридцатник, три автомастерских в Москве, а пульс скачет как у сопляка на аттракционах.

Бешеная Кошка даже не дает толпе перевести дух. Ее алая «Хонда» выстреливает на площадку, как пуля из ствола, и сразу — стоппи-вилли в полный оборот. 360 градусов чистого безумия.

Моя челюсть буквально падает на асфальт.

Она не просто ездит — она издевается над законами физики.

«Ножницы» — резкий прыжок с разворотом, будто ее байк сделан из воздуха.

«Круги смерти» — идеальные восьмерки на заднем колесе, шина дымится от трения.

И затем... то, от чего у меня холодеет спина.

Она взлетает на трамплине, переворачивается в воздухе вместе с машиной, и приземляется на одно колесо, даже не сбавляя хода.

Тишина. Даже вечно ревущие моторы замолкают на секунду.

Толпа безумствует — кто-то орёт, кто-то бьёт кулаками

по капотам, кто-то просто застыл с открытым ртом.

Бешеная Кошка на секунду замирает, будто впитывая этот адреналин, этот восторг толпы. А затем — резкий рывок. Её «Хонда» срывается с места, оставляя за собой лишь алый шлейф и запах горелой резины. Через мгновение её уже нет — только эхо мотора растворяется в ночи.

Я стою, сжимая кулаки. Только что увидел невозможное. И теперь точно знаю — расшибусь, но узнаю кто она.

Глава 3

Паша

Толкотня аэропорта давит со всех сторон: запах пережаренного кофе из автоматов, гул голосов, громкие объявления. Прислонившись к стойке, вглядываюсь в поток пассажиров — и вдруг...

Улька.

Все та же стремительная, как порыв ветра, в потертых джинсовых шортах и просторной футболке. Огромные солнцезащитные очки скрывают половину лица, но я бы узнал эту размашистую походку из тысячи. А рядом... когда Ванька успел так вымахать?

— Пашка! — сестра буквально врывается в меня объятьями.

— Ты мне все легкие выжала, дурёха! — хриплю, но сам вцепляюсь в нее так, будто боюсь, что она исчезнет.

Ванек терпеливо ждет своей очереди, переминаясь с ноги на ногу, но уже через секунду его ладошка тянется ко мне:

— Дядь, а правда на Ямахе покатаешь? Прямо сам рулить дашь?

— Ну... — бросаю вопросительный взгляд на Ульку, — если мама разрешит.

В такси Улька не замолкает ни на секунду — рассказывает про московскую суету, свою танцевальную школу, как Ваня

на прошлой неделе разбил коленку, пытаюсь повторить сальто. Киваю, поддакиваю, но шестое чувство подсказывает — что-то не так.

— Слушай, Паш... — она внезапно замолкает, нервно перебирая прядь выбившихся из хвоста волос. — Мне нужно вернуться в Москву. Завтра.

Таксист на секунду сбавляет скорость, будто реагируя на мою немую реакцию.

— Как завтра? Ты же только приехала!

— Ну ты представляешь, нашу студию затопило так, что теперь там можно снимать "Титаник-2"! — Улька размахивает руками, чуть не задевая таксиста. — Тимур бы помог, но улетает в Иркутск в командировку.

Она смотрит на меня щенячьими глазами:

— Так что... Оставь Ваньку у себя на месяц? Он так по тебе соскучился...

Ваня в этот момент: храпит как взрослый мужик, пускает слюну мне на футболку, выглядит чертовски мило.

— Ладно... — вздыхаю я.

— Ты мой герой! — Улька целует меня в щёку, оставляя след помады. — Кстати, помада новая — не сотрётся три дня, носи с гордостью!

Вот ведь зараза, не зря Тим так ее называет!!!

На следующий день мы с Ванькой проводили Ульяну в аэропорт. Она, конечно, завещала мне кучу правил: "спортпитание", "режим", "никакого фастфуда". Как только ее са-

молет взлетел, мы сразу рванули в бургерную.

— М-м-м, — закатил глаза Ванька, смачно откусывая двойной чизбургер. — Класс!

— Только маме ни слова, — подмигнул я, хлопая по банке газировки. — Спортпитание и все такое.

— Да не парься, дядь Паш, — махнул рукой пацан, — мама нормальная. Лето же — время набираться сил!

— Ну точно, — крикнул я. — А бургеры — лучший источник энергии.

Так начались наши мужские каникулы.

Девать Ваньку было некуда, поэтому он стал моим верным компаньоном:

Таскался со мной к арендодателю — сидел тихо, строил умный вид, когда нужно было — торговался, изучал помещение под автомастерскую — давал "экспертные" советы по дизайну, ночью оставался один — я запирал его на все замки и уезжал на заезды.

Телефон у него всегда был под рукой. "Если что — звони", — говорил я. Он кивал, но ни разу не позвонил — пацан терпел, как взрослый.

Пока не случился "звонок мамы".

— Паш, — голос Ульяны в трубке звучал как приговор, — ты там Ваньку хоть книжками обеспечиваешь?

Я посмотрел на племянника. Он тут же сделал "скорбное лицо", как будто его отправляют на каторгу.

— Э-э-э... Конечно! — соврал я.

Через час мы уже стояли около входа в библиотеку. Лицо Ваньки кричало: "За что?!"

— Слушай, — нашел я компромисс, — за каждую прочитанную книгу — катание на мотоцикле. Причем ты сам рулишь.

Глаза пацана загорелись.

— По рукам!

Мы ввалились в этот храм знаний, где даже воздух казался пропитанным пылью веков. Тишина. Такая густая, что аж в ушах звенело. Ванька передернул плечом, я невольно сморщился — пахло старыми книгами, деревянными полками и чем-то еще... скучным.

Честно?

Я никогда не любил читать.

В детстве вместо букварей — футбольный мяч летом, клюшка зимой. Даже когда мама заставляла, буквы прыгали перед глазами, а мысли упрямо убегали на стадион.

Читальный зал был пуст. Ну, конечно. Кто в здравом уме придет сюда летом?

И вдруг...

Шелест.

Тихий, едва уловимый звук шагов. Из-за стеллажей, заваленных толстыми томами, появилась она.

Девушка-видение.

Длинные, будто сотканые из солнечного света, волосы были собраны в две аккуратные косы, но несколько непо-

слушных прядей выбились, обрамляя лицо. Огромные голубые глаза — такие ясные, что, кажется, видели тебя насквозь. Легкое платье облегалo стройную фигуру, подчеркивая каждую линию.

— Вам помочь? — ее голос прозвучал, как музыка.

В голове — фейерверк.

Сердце бешено застучало, ладони стали влажными. Я, обычно такой уверенный, потерял дар речи.

— Э-э... — выдавил я, чувствуя, как Ванька ехидно тычет меня локтем в бок.

Она улыбнулась, и мир вокруг перевернулся.

Оказалось, что этим ангелом была девушка по имени Вероника (можно просто Ника – мило добавила она). Пока Ника помогала Ваньке выбирать книгу (что-то про приключения, кажется), я стоял как вкопанный, не в силах оторвать взгляд.

— Дядь Паш, отомри! — голос племянника наконец пробился сквозь туман в моей голове.

Ника рассмеялась — звонко, как колокольчик, — и мое сердце тут же сорвалось в бешеный ритм, будто пыталось вырваться из груди.

— Племянник? — улыбнулась она, глядя на меня с легким любопытством.

— Да... Сестра попросила присмотреть, ну и... проконтролировать наличие книг в его рационе, — выдавил я, чувствуя, как Ванька закатывает глаза.

— Всё ясно, — кивнула Ника. Было видно, что вся эта ситуация её забавляет.

Тут во мне что-то щелкнуло.

— Ника, — начал я, решая взять быка за рога, — хотите покататься по ночному Питеру на мотоцикле?

Ее улыбка стала еще шире, и я впервые разглядел две очаровательные ямочки на щеках.

— Я подумаю, — загадочно ответила она, повернулась и скрылась между стеллажами, оставив после себя легкий шлейф цветочного аромата и мои совершенно расшатанные нервы.

Глава 4

Паша

Раннее июльское солнце только пробивалось сквозь редкие облака, когда я остановился перед зданием своего автосервиса. Прищурившись от слепящего света, я замер, скрестив руки на груди, впитывая этот момент. Над входом ещё горела неоновая вывеска «Гонщик» — раскалённо-красные буквы с серебристой окантовкой. Её отблеск дрожал в мелких лужах после прошедшего перед рассветом дождя, сливаясь с первыми лучами солнца.

— Ну что, шеф? — я потрянул плечо племянника. — Теперь мы полноправные питерские бизнесмены. Свой кусок исторического асфальта. Кто бы мог подумать?

Ванька торжественно кивнул и поправил на голове бейсболку с нашим логотипом — рвущимся вперёд мотоциклом и той самой надписью. Я нарочно выбрал ему детский размер, и теперь он носил её с гордостью новобранца.

Автосервис встретил нас просторным цехом под высокими потолками. Четыре гидравлических подъемника, выкрашенных в синий, стояли как танки на плацу. Между ними юлил новенький стенд диагностики с моргающими дисплеями.

Инструмент висел по стенам — каждый ключ на своем месте, каждая головка в отсеке. В клиентском уголке два ко-

жанных дивана цвета воронова крыла окружали стеклянный столик с глянцевыми журналами.

Рядом урчала итальянская кофемашина, источая горьковатый аромат свежесваренных зерен.

Воздух представлял собой густой коктейль запахов: едкая сладость свежей краски, тяжелый дух моторного масла и бодрящий шлейф кофе. Из угла доносилось потрескивание сварочного аппарата, окутанного сизым дымком. В углу механик Сашка, бывший гонщик, которого я переманил из "Стального коня", проверял оборудование.

— Все готово, босс, — Сашка щелкнул гаечным ключом, как ковбой спусковым крючком, и его лицо с перебитым носом расплылось в ухмылке. — Как в операционной, только масло вместо крови. А вместо скальпеля — вот этот красавец. Он похлопал по корпусу нового шиномонтажного станка, блесневшего, как хирургический инструмент.

За спиной копошились механики: долговязый пацан с тухлой на шее затягивался свежесваренным кофе, увалень в очках тыкал в диагностический компьютер, а за стойкой администратора Алла — "лицо фирмы" — старательно щелкала мышкой, сверкая свежим маникюром. "Команда минимум есть", — мелькнуло в голове. Ванька под моей рукой замер, как перед причастием.

— Так, банда, слушаем правила выживания в нашем зоопарке!

Правило первое: Клиент — как теща перед днём зарпла-

ты. Киваем, улыбаемся, внутри материмся.

Правило второе: Если клиент совсем поехавший — снова киваем, но уже с мыслями о его родословной.

Правило третье: После особо "одарённых" — отбой в подсобке, где можно разобрать его моральный облик по винтикам.

— А теперь, — торжественно протянул Ваньке игрушечный набор, — экзамен для стажёра. Вот тест-драйв: соберёшь этот пластиковый движок — пушу к железному.

Ванька фыркнул, вертя в руках миниатюрный ключ, будто ему вручили секретное оружие.

К полудню у ворот сервиса собралась шумная компания. Первыми подошли местные бизнесмены - владелец соседней шиномонтажки в комбинеzone, покрытом масляными пятнами, управляющий ближайшей заправки, и, конечно же, Мария Ивановна из кафе через дорогу, чьи пирожки с капустой я успел оценить по достоинству.

Но главную атмосферу создавали байкеры - ребята, с которыми я сдружился за последние недели. Крутые парни в потертых кожаных куртках, украшенных нашивками и принтами, развалились на своих мотоциклах, перебрасываясь хриплыми шутками.

Толпа гудела, словно разогретый двигатель перед стартом. В одном углу разгорались жаркие споры о технических характеристиках новых моделей - голоса то взлетали до крика,

то опускались до заговорщического шёпота, когда речь заходила о секретных тюнинговых фишках. В другом кругу байкеры, жестикулируя руками, смачно пересказывали эпизоды недавних гонок - "А помнишь, как Васька на том повороте..." - смех взрывался, как выхлопы перегазованного мотора.

А самые прожорливые уже украдкой поглядывали в сторону импровизированной зоны отдыха, где на грубом деревянном столе дымились шашлыки, а бутылки с безалкогольным пивом, запотевшие от жары, стояли стройными рядами, как мотоциклы на парковке.

В момент, когда ножницы со скрипом перерезали натянутую красную ленту (Ванька и Сашка держали её как заправские церемониймейстеры), воздух вздрогнул от низкого рёва знакомого мотора. Все головы повернулись синхронно, будто по команде.

В сотне метров, облокотившись на кроваво-красную Хонду, стояла она - Бешеная Кошка. Её чёрный кожаный костюм, словно вторая кожа, подчёркивал каждую линию тела. Шлем с острыми кошачьими ушками отсвечивал солнечными зайчиками, создавая нимб вокруг её силуэта. Красная коса лежала на плече. Она не делала ни шага вперёд, не кивала головой - просто стояла неподвижно, как изваяние, лишь слегка склонив голову набок. Её поза говорила одновременно и о равнодушии, и о пристальном интересе - настоящая кошка, наблюдающая за мышиной вознёй.

Я быстрым шагом сократил расстояние, между нами. Она

не тронулась с места, будто ждала.

— Привет, — выдохнул я, останавливаясь в метре от её Хонды.

Она лишь чуть заметно кивнула, сквозь затемнённое забрало следя за мной.

— Присоединишься? — кивнул я в сторону стола с угощениями.

Ответом было медленное покачивание головы. В этот момент из толпы донёсся хриплый крик:

— Зря стараешься! Бешеная Кошка гуляет сама по себе!

Громовой хохот прокатился по двору. Кошка, как будто только этого и ждала. Она резко вскинула ногу через седло. Один плавный рывок — и Хонда взревела, будто разъярённый зверь.

Я едва успел отпрыгнуть назад, когда её колено почти коснулось асфальта в крутом вираже. Шины взвыли, высекая искры из гравия, и через секунду передо мной остались лишь клубы сизого дыма да горячий след резины на асфальте.

— Ну и девка... — послышалось сзади.

Я обвёл взглядом собравшихся:

— Кто-нибудь вообще знает, кто она такая?

Мужики переглянулись, кто-то пожал плечами, кто-то просто покачал головой.

— Объявилась внезапно, года четыре назад, — хрипло начал Серый, вытирая ладонью бороду. — Ни с кем не панибратствует. Приезжает — когда захочет, уезжает — когда

вздумается. Гонки? Да. Стант-райдинг? Тоже да. Но победа её не колышет.

Он прикурил, затянулся, выпустил дым колечками.

— Будто ей только адреналин и нужен. Получила свою дозу — и свалила.

Толпа загудела. Кто-то вспомнил:

— А помните Миху-Чуму?

Лица сразу потемнели.

— Гонял как одержимый. Адреналиновая дыра его и засосала. Одна ошибка на трассе — и кирдык мужику.

Пауза. Кто-то сплюнул.

— Жenu вдовой оставил. А они только год как расписались.

— Эх, свадьба у них была... — кто-то ностальгически хмыкнул. — Настоящая байкерская. Асфальт под колёсами горел.

Серый мрачно добавил:

— А после его гибели — и она пропала. Раньше с ним на заезды приезжала. Стояла в стороне, смотрела. Красивая девчонка. А потом — как ветром сдуло. Уже лет пять никто о ней не слышал.

— Так вот этот Миха-Чума... — Серый снова затянулся сигаретой. — На своей "Хонде", кстати, у него, как и у Кошки Хонда только черная была, такие кульбиты выделявал, что у наблюдателей мурахи по спине бегали. Вписывался в поворот на скорости, когда у нормальных байкеров уже ас-

фальт в глазах двоился. — Он оглядел собравшихся. — Мужики, а помните, как он между фур проскакивал? Где даже мотоцикл, кажется, не пролезет?

Толпа загудела одобрительно. В этот момент Леха, поправляя кепку, встрял в разговор:

— Миха да Кошка... Будто два сапога пара. Оба безбашенные, с одинаковым "поху***» к собственной шкуре. Словно в одной лаборатории их склепали.

Он наклонился вперед, понизив голос:

— А если приглядеться к её трюкам..., да она же его движения повторяет! Как под копирку, до последнего рывка. — Леха сделал паузу для эффекта. — Как будто через эти виражи, через рев мотора пытается его... воскресить.

Я закурил, в задумчивости наблюдая за кольцами дыма, растворяющимися в воздухе.

"Миха и Бешеная Кошка... - мысленно вертел я этот странный дуэт. - Если между вами действительно есть связь, то через одного можно выйти на другую. Миха погиб, но его трюки продолжают жить - в её безумных виражах, в этом точном повторении каждого движения..."

В голове складывалась странная картина. Будто Бешеная Кошка стала тенью Михи, его продолжением на асфальте. Но что их связывало на самом деле? Просто ли это была общая страсть к скорости, или что-то более глубокое, что теперь заставляло её повторять его путь с такой болезненной точностью?

Глава 5

Паша

— Дядь Паш, - раздался сзади голос Ваньки. Я обернулся и увидел его хитрющие глаза. — Я дочитал книгу, свою часть договора выполнил. Теперь твоя очередь.

— Без проблем, - усмехнулся я. — На неделе завал, но в субботу я весь твой. Идёт?

— Идёт! — обрадовался пацан, но тут же насторожился, видя, что я надеваю кроссовки: — А сейчас куда?

— Собирайся. Пойдём в одно место.

— Куда?

— В библиотеку.

Пацан сразу сник, как проколотый мяч. Я потрепал его по взъерошенным вихрам:

— Чтение — свет, а нечтение... ну ты сам знаешь что.

— Знаю. И вообще, это не так говорят правильно, — буркнул он.

— Как говорить правильно — каждый решает сам. А нам давно надо в библиотеку заглянуть.

Ванька тут же оживился:

— О! Библиотекарша понравилась?

— Может быть, — не стал отнекиваться я.

— Ну тогда пошли завоёвывать! — с внезапным энтузиазмом воскликнул пацан.

На улице Ванька, как обычно, подбежал к окну, за которым восседал Демон, и начал с ним ворковать. Я уже хотел его одернуть, как вдруг произошло нечто невероятное — это исчадие ада встало на задние лапы и высунуло в форточку свою демоническую морду.

Раздалось что-то среднее между мурлыканьем и звуком работающей бензопилы.

— Ванек, отойди от этого чудовища, — буркнул я.

— Да он не чудовище! — обиженно фыркнул пацан. — Просто скучно ему одному целыми днями. Ты бы тоже орал!

Я пристально посмотрел в желтые, как у инкубаторского цыпленка, глаза кота. Кот пристально посмотрел на меня. В его взгляде читалось: "Я видел твои записки про кастрацию, человечиска. И у меня для тебя есть сюрприз..."

— Пойдем, Ванька, — потянул я племянника за плечо. — Нас ждут дела поважнее.

За спиной раздался звук, будто кто-то точит когти о деревянный подоконник. На прощание. А может мне просто показалось. Я обернулся. Демона на подоконнике уже не было.

Мы с Ваньком переступили порог библиотеки, и нас окутал знакомый аромат старых переплетов и тишины. Ника сидела за стойкой, погруженная в чтение толстого фолианта. Солнечные лучи играли в ее золотистой косе, переброшенной через плечо.

— Нам бы что-нибудь из классики... Ну, "Войну и мир"

для начинающих" - пошутил я, облакачиваясь на стойку.

Ника подняла глаза, и на ее губах расцвела теплая улыбка.

— Для дошкольной программы это пока сложновато, — мягко ответила она, — но могу показать вам раздел о мотоциклах. Кажется, это больше ваша стихия.

— С чего вы взяли? — удивился я.

— Женская интуиция, — загадочно улыбнулась она, прищурив глаза.

Я уже собирался пригласить ее на кофе, когда Ванька, до этого увлеченно копошившийся среди детских книг, неожиданно вклинился в разговор:

— Ника, а вы хоть раз катались на мотоцикле?

Ее смех зазвенел, как колокольчик, заставляя косу покачиваться в такт:

— И откуда такой интересный вопрос?

— Если нет — то вы многое потеряли! Это же так круто! Вам обязательно нужно попробовать! — Ванька размахивал руками, его глаза сияли искренним восторгом.

Ника перебросила косу за спину и с лукавой улыбкой спросила:

— Это официальное приглашение покататься?

Но прежде, чем я успел ответить, Ванька, сохраняя невозмутимый вид, выпалил:

— Официальное! Только не от меня, а от дяди Паши! — Он сделал паузу для драматического эффекта. — У меня сегодня новый "Человек-паук", а ещё мама сказала, что в

шесть лет нужно думать о будущей школе и тренировках, а не о свиданиях!

Ника рассмеялась таким звонким, искренним смехом, что я невольно расплылся в улыбке. Мой юный "сват", довольный собой, уже бежал к выходу с новой книгой под мышкой.

— Тогда... в шесть вечера у библиотеки? - предложил я.

— Договорились, - кивнула Ника. В её глазах заплясали озорные огоньки.

Ровно в шесть вечера моя Ямаха нетерпеливо урчала у библиотечных ступенек. Ника вышла на крыльцо и, увидев меня, легко спустилась по ступенькам. Ее летнее платье нежно-голубого цвета плавно колыхалось при каждом шаге, словно подхваченное лёгким ветерком. Тонкая ткань то обвивала стройные ноги, то снова расправлялась, напоминая морскую волну.

— Боюсь, я не совсем правильно одета для поездки на мотоцикле, — улыбнулась она, поправляя подол платья.

Я окинул взглядом её наряд:

— Не переживай. Всё, что должно быть скрыто — останется скрытым. А что касается безопасности... — я похлопал по бензобаку, — я отвечаю за свою Ямаху как за себя самого...

— Приятно слышать, — засмеялась Ника, пока я надевал на неё шлем. Мои пальцы на мгновение задержались, поправляя выбившуюся прядь — её волосы были удивительно мягкими, как шёлковые нити. Затем я накинул на её плечи

свою потрёпанную косуху — для тепла и "антуража".

— Даже на небольшой скорости ветер может быть колючим, — предупредил я, поворачивая ключ зажигания. Мотор ожил с низким рокотом. — Ну что, поехали?

Ника твёрдо кивнула, и я увидел в её глазах смесь предвкушения и азарта. Когда её руки обняли меня за талию, я почувствовал приятное тепло, разливающееся по всему телу.

— Держись крепче! — предупредил я, и мы плавно тронулись с места. Библиотека осталась позади, а впереди нас ждала только бесконечная лента дороги, озарённая лучами солнца.

Мы выехали на набережную, где вечернее солнце играло в волнах Невы. Мотор урчал ровно, не спеша, будто давая нам возможность насладиться моментом. Ника крепче обняла меня за талию, когда мы проносились мимо позолоченных шпилей и гранитных львов.

Ветер трепал подол её платья, но косуха надёжно укрывала плечи. Я чувствовал, как она то и дело поворачивает голову, стараясь рассмотреть все вокруг — отражение заката в витринах старинных домов, арки мостов, под которыми мы пролетали, шпиль Петропавловки, розовеющий в лучах уходящего солнца.

Свернули в парк, где дорога сузилась до тропинки. Здесь Ямаха шла почти бесшумно, лишь изредка потрескивая на кочках. Воздух пах свежескошенной травой и нагретым за

день асфальтом.

— Красиво... — услышал я сквозь шум ветра.

— Это еще что! — крикнул в ответ и добавил газу.

Мы вырвались на пустой участок шоссе, и тут Ника засмеялась — звонко, беззаботно.

Потом были тихие улочки Васильевского, где тени от деревьев ложились на дорогу, как черные кружева. Промчались мимо Ростральных колонн, уже освещенных вечерней подсветкой. И наконец — остановка у небольшого уютного кафе.

— Ну как? — заглушил мотор и повернулся к ней.

Ника сняла шлем.

— Лучше, чем в кино, — призналась она.

Мы зашли в небольшое уютное кафе, где пахло свежемолотым кофе и ванилью. Мягкие кожаные кресла цвета карамели, деревянные столики с резными ножками и легкие тюлевые шторы, колышущиеся от легкого вечернего бриза - все создавало атмосферу тепла и уюта.

— Ты специально выбрал такое место? — спросила Ника, усаживаясь в глубокое кресло у панорамного окна. Ее пальцы невольно провели по бархатистой поверхности обивки.

— Почему ты так решила? - я усмехнулся, устраиваясь напротив и снимая косуху.

— Ну... — она наклонила голову, — неожиданно романтично для байкера в потертой коже.

— Ты думала, я приглашу тебя в пивной бар побаловаться

бургерами и солеными сухариками? — я приподнял бровь.

— Что-то вроде этого, — она засмеялась, и в уголках ее глаз собрались милые морщинки.

Мы заказали телятину в сливочном соусе, запеченные овощи с розмарином и несколько закусок. Разговор лился легко. Время текло незаметно, и когда официант с церемонным видом расставил перед нами свечи в медных подсвечниках, пламя отразилось в Никиных глазах.

Когда в зале остались лишь пара влюбленных и бармен, полирующий бокалы, а музыка сменилась на томное саксофонное соло, я почувствовал, как атмосфера между нами сгущается. Наклонившись вперед, я уловил легкий аромат ее духов - что-то между жасмином и морским бризом. Она не отстранилась, лишь ее дыхание стало чуть чаще, а пальцы слегка сжали край скатерти.

И в тот момент, когда расстояние между нами сократилось до расстояния вздоха, из кармана моей косухи раздался навязчивый рингтон.

— Извини, — пробормотал я, видя, как Ника откидывается на спинку кресла. — Ванька...

Вышел на улицу. Разговор занял не больше минуты, но, когда я вернулся - ее место было пусто.

— Девушка просила передать, — появился официант с деликатной улыбкой, — что вечер был прекрасен, но ей пришлось срочно уйти.

Я застыл на месте, ощущая странную смесь разочарова-

ния и недоумения.

Глава 6

Паша

Ванька сладко посапывал, когда я вернулся. Свидание с Никой было классным, хотя я рассчитывал на другой финал. Но, видимо, поторопился – решил быка за рога взять раньше времени. Ника – девчонка-ромашка, нежная, а я далеко не мальчик-василёк.

Провел рукой по щетине, глянул в зеркало. Может, побриться? Херня. Мой вид женщин никогда не отпугивал – наоборот, тянуло их ко мне, как магнитом. Взъерошил волосы – темные, чуть длиннее обычного. Нормальный мужик, с щетиной, с телом – не дрищ, спортом занимаюсь еще со школы. Родители в свое время впихнули в айкидо, так и застрял там на годы. Потом Улька подтянулась. Так что фигура поджарая, рельефная. Только глаза... Бабские, зеленые, с густыми ресницами. У сестры такие же. Ей – нормально, а мне зачем?

Еще минуту вглядывался в свое отражение, оценивая каждый уголок лица – жесткую линию скул, упрямый подбородок, чуть прищуренные глаза. И вдруг дошло: Ника сбегала не потому, что я ей не зашел. Нет, она просто не готова была к такому напору. Испугалась, что все идет слишком быстро, слишком уверенно.

Но это ее проблемы.

Потому что от мужиков вроде меня не убегают. К ним тянутся, как к огню в стуже. Их ненавидят, им завидуют, но – главное – их хотят. И если сначала девчонка пятится, то потом все равно придет сама. Потому что чувствует: это – не пустые слова, не мальчишеские фантазии. Это – сила, которая либо ломает ее сопротивление, либо заставит жаждать покориться.

Я знаю это не понаслышке. Видел десятки таких же, как Ника – сначала испуганные взгляды, нервные смешки, попытки выставить барьеры. А потом – дрожь в голосе, пальцы, цепляющиеся за мой рукав. Шепот: "Я люблю тебя..."

Еще в старших классах понял одну простую вещь: завоевывать никого не надо.

Не потому, что лень или не умею – просто в этом никогда не было нужды. Я всегда был тем, к кому тянутся. Не кричал, не выпячивался, не лез из кожи вон – но внимание липло ко мне само, как пчелы к меду. В университете – та же история. Девчонки сами находили поводы заговорить, сами приглашали встретиться. А когда купил «Ямаху» – отбоя не стало вообще.

Но Ника – другая.

Не из тех, кто бросается на шею при первом взгляде. Не из тех, кого можно купить парой громких фраз или покатушками на мотоцикле. Она не бежит за вниманием – она его достойна. И в этом вся разница.

На таких, как Ника, женятся.

Не потому, что она красивая (хотя черт возьми, красивая), а потому что в ней есть то, чего нет у других. Взгляд, в котором читается не сиюминутный азарт, а глубина. Походка, в которой нет показной соблазнительности – только уверенность в каждом шаге. Такие, как она, не играют в игры – они создают то, что другие потом называют семьей.

Таких, как Ника, берегут.

Потому что она – не временная подружка, не случайная интрижка. В ней видно хранительницу очага, будущую мать, ту самую женщину, рядом с которой хочется не просто провести ночь – а остаться навсегда.

А потом взглянешь на других – и диву даешься.

Взять ту же Бешеную Кошку – огонь, искры, дикая энергетика. Какая из нее хранительница очага? Рядом с ней детей не поставишь – сожжет. В ней столько энергии, что кажется, будто она вот-вот взорвется. Но за всем ее таинственным образом скрывается загадка: кто она на самом деле? Зачем так яростно отталкивает всех, кто пытается подойти ближе? Почему из раза в раз рискует жизнью?

Одни вопросы.

Но Ника – не вопросы. Ника – ответ.

Горячие струи воды каскадом стекают по напряженным мышцам груди и спины, размягчая каждый узел усталости. Закрываю глаза, подставляя лицо под почти обжигающий поток – тело наконец-то начинает расслабляться после дол-

ного дня. Завтра обязательно заеду к Нике, прямо к открытию. Пусть привыкает - теперь я буду появляться в ее жизни регулярно, нравится ей это или нет. С легкой ухмылкой выключаю воду, резким движением набрасываю полотенце на плечи. Влажные волосы падают на лоб, но я даже не пытаюсь их откинуть - завтра будет новый день, и Нике предстоит понять, что отныне я - часть ее жизни.

Перед сном решаю проверить кое-что. Захожу в браузер, вбиваю в поиск: "Миха-чума". Если верить мужикам, это прозвище погибшего около четырех лет назад байкера. Значит, скорее всего, Михаил.

Мышка мечется по экрану, перескакивая с вкладки на вкладку. Новости, форумы, старые обсуждения... И вдруг – стоп.

На меня смотрит крепкий парень лет двадцати. Карие глаза, короткие темные волосы, уверенная ухмылка. Он сидит верхом на мотоцикле, в одной руке – шлем, в другой – поднятый вверх палец. Михаил Ветров.

Читаю дальше:

"Молодой перспективный спортсмен, неоднократный победитель мотокросс-заездов. В ночь на 25 июля не справился с управлением и на полной скорости врезался в ограждение. Скончался на месте, не приходя в сознание."

Значит, так.

Пытаюсь копнуть глубже, но больше ничего – соцсети пусты. Либо не вел, либо страницы удалили после смерти. Что

ж, хоть что-то есть.

Кручу в руках телефон, набираю знакомый номер. Гудки.

— Какие люди, — раздается в трубке расслабленный голос. — Соскучился, что ли?

— Естественно.

— Надеюсь, не по поводу Ваньки звонишь? Если решил вернуть мне сына раньше времени — баста, я в домике.

— Выдохни Тим, с твоим наследником все в порядке. Дело есть.

— Слушаю, — голос мгновенно становится собранным, жестким.

— Помоги информацию накопать на одного человека.

— Во что вляпался?

— Не паникуй, все чисто.

— Имя знаешь?

— Михаил Ветров. Спортсмен, был в сборной по мотокроссу в Питере. Погиб около четырех лет назад. Был женат.

— Не густо.

— Сколько есть. Больше о нем ничего не знаю. Нужно найти его вдову.

— Хорошо, сделаем. Тебе как срочно?

— Не горит.

— Тогда займусь после возвращения в Москву.

— Добро.

"Ну всё, лед тронулся", - последняя связная мысль перед тем, как сознание начинает тонуть в пучине сна. И в этот

момент... "МЯЯЯУУУУУУУ!!!". Громоподобный кошачий вопль буквально вырывает меня из объятий Морфея.

"Да *** твою мать! Ты что, ещё не сдох?!" - вырывается у меня хриплым от ярости голосом. Несколько дней тишины - и вот опять этот адский концерт.

С размаху сбрасываю одеяло, на ощупь нахожу тапки - поросята и, шаркая подошвами, бреду в коридор. "Ну погоди, соседка, сейчас ты у меня вместе со своим демоническим котом получите по полной программе!"

Спускаюсь на первый этаж, подыхая от злости. У двери - мёртвая тишина. Начинаю методично звонить и долбить кулаком в дверь: "Да чтоб тебя! Открывай, соседка!" Но в ответ - лишь зловещая тишина.

"Вот же су**..." - сквозь зубы бормочу я, сжимая кулаки. "Но держись. Я до тебя ещё доберусь. И до твоего чертова кота-психопата тоже."

Глава 7

Ника

Я стремительно выхожу из квартиры, крепко захлопывая дверь. Последнее, чего мне хотелось бы сейчас — это встретить кого-нибудь из соседей. За спиной чувствую на себе задумчивый взгляд желтых глаз.

— До вечера, Дик, — бросаю на ходу, даже не оборачиваясь.

Утро встретило меня слепящим солнечным светом. До начала рабочего дня еще целый час - можно не торопиться. Прохожу мимо своей любимой кофейни, где в это время уже царит оживленная суeta. Знакомый бариста приветливо улыбается:

— Вам как обычно?

— Да, спасибо.

Через несколько минут в моих руках оказывается чашка с дымящимся латте, украшенная замысловатым рисунком - кошачьей мордой. Аромат свежемолотых зерен смешивается с ванильными нотками, создавая неповторимый букет. Нахожу свободный столик у панорамного окна, где утреннее солнце рисует на столе причудливые блики. Осторожно опускаюсь в мягкое кресло, устраиваясь поудобнее. Этот момент - священный утренний ритуал, когда весь мир может подождать.

Закрываю глаза, поднося чашку к губам. Первый глоток - и губы касаются воздушной пены, за которой скрывается насыщенный, бархатистый вкус. Терпкость эспрессо смягчается молочной сладостью, создавая идеальный баланс. "Боже-ственно", - вырывается у меня шепотом.

Воспоминания врываются в мою голову незваными гостями, растревоживая давно затянувшиеся раны. Они заполняют сознание, как осенний дождь заливает городские улицы — неспешно, но неумолимо. Скоро мы снова увидимся, и от этой мысли в груди сжимается что-то холодное и тяжелое.

Я сознательно редко бываю у него. Зачем тревожить прошлое, которое давно должно было превратиться в пыль на страницах старого дневника? Оно должно остаться там, где ему положено — в глубине памяти, под семью замками.

Я научилась жить дальше. День за днем. Через "не хочу" и "не могу", через слезы по ночам и пустоту по утрам.

Первый год был адом. Каждое утро - преодоление. Каждый день - битва с воспоминаниями. Я тонула в боли, как в темных водах, и мне казалось, берега не существует.

Но время шло. И однажды я заметила - дышать стало легче. Улыбка перестала быть подвигом. Мысли больше не кружились по замкнутому кругу.

Я не забыла. Забыть невозможно. Но я научилась носить эту боль в себе - не как открытую рану, а как шрам, который больше не кровоточит. Понемногу я стала принимать то, что нельзя изменить. Принимать и идти вперед - уже не споты-

каясь на каждом шагу.

Он... Он думал? Нет, он не думал обо мне, когда делал то, что хотел. Он никогда не задумывался, какие следы оставляют его поступки. Он всегда был эгоистом — красивым, харизматичным, неотразимым эгоистом, который брал от жизни все, не считаясь с чужими чувствами.

У нас была яркая история. Короткая, как вспышка молнии, но ослепительная. Ради него я предала дорогого человека, переступила через собственную честь. Ради него променяла уют родного города на холодные питерские улицы. И теперь, спустя годы, я все еще расплачиваюсь за эту любовь — ту, что была больше похожа на болезнь, на наваждение, на проклятие.

Но я живу. Дышу. Я научилась просыпаться без мыслей о нем. Я верю, что воспоминания о нас скоро окончательно станут просто частью моей истории — той, что сделала меня сильнее.

За окном бурлит утренний город, словно гигантский муравейник, пробуждающийся ото сна. Сквозь стекло кофейни видно, как жизнь разворачивается в своем бесконечном движении: деловой мужчина в дорогом костюме яростно жестикулирует, что-то доказывая по телефону; молодая девушка в спортивном костюме бежит на пробежку, ее светлые волосы развеваются на ветру; пожилой человек на скамейке закрыл глаза, полностью отдавшись музыке из своих массивных наушников.

А я сижу здесь, в этом уютном уголке, прижимая к ладоням теплую чашку. Ароматный пар от латте поднимается спиралями.

Раньше я пила только двойной эспрессо – крепкий, горький, обжигающий, точно такой, как он любил. Я научилась ценить этот насыщенный вкус, эту терпкую горечь, оставляющую на языке металлический привкус. Мы сидели в маленьких кафе, где стены дрожали от тяжелого рока, и пили одинаковый кофе из одинаковых чашек, будто в этом ритуале было какое-то тайное единение.

Музыка, которая раньше заставляла мое сердце биться чаще, теперь звучит как далекое эхо из другой жизни. Я больше не включаю наши любимые песни по утрам, не напеваю их под душем, не засыпаю под хриплый голос вокалиста. Тяжелый рок был его миром – бунтарским, громким, неистовым. И какое-то время я думала, что он стал моим.

Но это все в прошлом.

Остались лишь две тонкие нити, едва связывающие меня с тем временем.

Но скоро я оборву и их.

Последний глоток латте оставил после себя лишь тонкий след молочной пены, прилипшей к стенкам керамической чашки. Я поставила пустую чашку на поднос и вышла на улицу, где утро встретило меня ослепительным солнечным светом. Пришлось зажмуриться — лучи буквально врезались в глаза, словно настойчивые ухажёры, не принимающие отка-

за.

Мой путь лежал к библиотеке — тихому убежищу среди городской суеты, расположенному в пятнадцати минутах неспешной ходьбы. В последнее время я замечала, как учащённо бьётся сердце при мысли о работе, как ладони становятся влажными без видимой причины. Это было не просто волнение — настоящая нервозность, поселившаяся во мне и отказывающаяся уходить.

"Не хочу встречаться с Пашей", — пронеслось в голове чёткой, почти что вслух произнесённой фразой.

Но это была ложь.

Я боялась этой встречи. Боялась, что он увидит правду в моих глазах. Узнает тайну, которую я так тщательно скрывала все это время.

Паша...

Этот мужчина будто излучал тепло, притягивая его к себе, словно магнит. С ним я впервые за долгое время почувствовала, что мое сердце — не каменный осколок, а живая, трепещущая плоть. Он был добрым. Мужественным. Сильным. Таким, каким должен быть мужчина.

Но он тоже был одержим мотоциклами.

Эта страсть отталкивала, напоминая о том, от чего я бежала. От боли, от потери, от черной резины на мокром асфальте...

Я подошла к зданию библиотеки, привычным движением потянулась к дверной ручке — и вдруг почувствовала чье-

то прикосновение.

Теплое. Крепкое.

— Доброе утро, — раздался знакомый голос прямо за спиной.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.